

- Егда же поступившу кораблю с места своего плаванием до велицей Испани-  
 нии, благородный же юноша на нем пловый радуясь; и плывущим им кора-  
 бленицы же помыслиша на мало прохладити себе от великаго волнения  
 морскаго и приставше ко берегу начаша ту почивати. Благородныи же той  
 юноша вниде на брег далече от них, никим же ведом, и обрете место полно  
 и украшено от цветов благоуханных, и прилюби себе и нача почивати от  
 великаго труда морскаго; и промыслом же Божиим нападе на него велии сон,  
 чрез день и ночь не можаше проснуться. Корабленником же егда приспе  
 время плыти, поискавше его много и не обретоша, отчалиша корабль  
 и плаванию вдашася, а его оставиша на брезе, помысливш зверю его снести.  
 Благородныи же юноша, возбудився от сна, и прибеже к морю и озираяся  
 быстро и не обрете корабля; и нача горестне плакати паче перваго и, видя  
 себе в пустыни, недоумеваше что сотворити; и от великаго того сетования  
 печална возвед очи свои к морю и узре шествующ ии корабль, нача звати,  
 милости прося, велиим гласом глагола: помилуйте мя, странна суща, не  
 предайте человека зверем на погубление, возьмите мене к себе на корабль.  
 Они же, услышавше на брезе человека вопиюща, приваливше корабль ко  
 берегу и взяша к себе и начаша вопрошати его отечества и како ему сключися  
 на таковой пустыни пострадати. Он же на мног час не можаше им глаголати  
 от печална сетования, но точию яко реку испущаше слезы и помалу быв  
 в себе нача им глаголати: родом емь славного некоего рыцаря, отечество же  
 мое бе Испания великая, и много лет изнузив себе во обучении и у турскаго  
 салтана явихся и отпущен им бе сискати своих родителей и шествовах  
 от него в корабли, имение мое имех у них заставих; и от великих волн мор-  
 ских пристахом зде дати себе покой телу и сном отягощен бе; они же не воз-  
 будиша мя и оставиша мя ту, имение же мое увезоша с собою. Молю ваше  
 благодетелство, возьмите мя к себе на корабль, дабы зверие плоти моей не  
 насытились в пустыни сей. А сам непрестанно обливаше себе слезамд.  
 Они же слышавше таковая, зело умилишася и взяша его к себе на корабль,  
 утешаху его глаголюще: о, благородный юноша, положи о сем на бога  
 упование и не отчаявайся, силен бо бог помиловати тя, по реченному: не  
 оставит господь уповающих на него. И тако Бруна мало утешися от печали  
 и сотвори им поклонение, сам же возложи упование на бога, яко же хочет  
 он тако и да сотворит. И потом по неколицех днех достиже той корабль того  
 града, в нем же та милостивая цветет, на котором Бруна бе, в велицей ему  
 скорби и болезни тогда бывшу, и едва живу сущу и в нищетней и раздран-  
 ной одежде, ниоткуда бо можаше признатися первое его достоинство. Кора-  
 бленицы же они, видевше его в велицей той болезни, едва с трудом его приве-  
 соша в тую шпитальню и с молением его в пречестныя ея руце вручиша и вся  
 порядку ей об нем явиша, како сключися явитися ему у них на корабле.  
 Она же, милостивая и щедролюбивая, по обычаю своему повеле его с радо-  
 стию прияти у них и велие милосердие о нем показа. И по сем помалу нача  
 от болезни свободжатися и ина болезнь припаде ему: стыдящися и мысляше  
 в себе, како бы явитися отцу и недоумевашеся, видя себе нищетна суща от  
 таковой славы разлучшася; и позна Мелеонию, она же его не позна; и более  
 снадеше себе печалию, нежели скорбию, приключышеся ему от естества.